

Международный научно-популярный журнал

ISSN 2073-333X

Наука и жизнь Казахстана Қазақстанның ғылымы мен өмірі

№ 3 (58) 2018

Оңтүстік Қазақстан облысы,
Маңтаарал ауданы, Жетісай қаласындағы
«Сырдария» университетіне - 20 жыл

Құрылтайшы:
«ҚҰҚЫҚТЫҚ МИССИЯ» ҚОҒАМДЫҚ ҚОРЫ
ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚАЗАҚСТАН КРИМИНОЛОГИЯЛЫҚ КЛУБЫ

Учредитель:
ОБЩЕСТВЕННЫЙ ФОНД «ПРАВОВАЯ МИССИЯ»
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КАЗАХСТАНСКИЙ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ КЛУБ

Founder:
PUBLIC FOUNDATION «LEGAL MISSION»
INTERNATIONAL KAZAKHSTAN CRIMINOLOGY CLUB

ҚАЗАҚСТАННЫҢ ҒЫЛЫМЫ МЕН ӨМІРІ
НАУКА И ЖИЗНЬ КАЗАХСТАНА
SCIENCE AND LIFE OF KAZAKHSTAN
Халықаралық ғылыми-көпшілік журнал
Международный научно-популярный журнал
International popular-science journal

№3(58) 2018

Филология
Журналистика

Астана 2018

Шанаев Р.У.,

PhD докторант 1 курса КазНУ имени аль-Фараби, (Казахстан, Алматы),
аспирант 1 курса Российского университета дружбы народов (Россия, Москва),
e-mail: rus.shanaeff@gmail.com

Джолдасбекова Б.У.,

д.ф.н., профессор Казахского национального университета имени аль-Фараби
(Казахстан, Алматы), e-mail: Baiyan.Zholdasbekova@kaznu.kz

Демченко А.С.,

старший преподаватель Казахского национального университета имени аль-Фараби
(Казахстан, Алматы), e-mail: alenchika@mail.ru

АРХЕТИП «ДОМ» И СПЕЦИФИКА ИНВЕРСИРОВАННОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО МИРА Н. ВЕРЕВОЧКИНА

***Резюме.** В эпоху глобализации, когда границы мировых сообществ становятся все более проницаемыми, изучение архетипов как своеобразных констант культуры особенно актуально. В литературе как в метаформуле «добытой эстетической истины» ведется постоянный поиск ответов на самые значимые вопросы современности: обществу необходима обновленная этиология, расстановка ценностных координат, критическое отношение к Человеку и к Миру, в котором он существует. Обращение к архетипическому субстрату культуры способно сделать этот поиск, по нашему убеждению, более эффективным.*

***Ключевые слова:** архетип, литературный архетип, метафора, концепт.*

Жаһандану дәуірінде әлемдік қауымдастықтардың шекаралары неғұрлым өткізгішті болған сайын, архетиптерді мәдениеттің ерекше константасы ретінде зерттеу өте маңызды. Әдебиетте «табылған эстетикалық ақиқаттың» мета-формуласындағыдай, біздің уақытымыздың маңызды мәселелеріне үнемі жауап іздейді: қоғамға жаңартылған этиология, құндылықты координаттарды орналастыру, Адамға және өзі өмір сүріп отырған Әлемге сыни көзқарасы қажет. Мәдениеттің архетиптік субстратына үндеу, біздің ойымызша, бұл ізденісті тиімдірек ете алады.

***Кілт сөздер:** архетип, әдеби архетип, метафора, концепт.*

Summary. In the globalization era, when the boundaries of world communities are becoming more permeable, the study of archetypes as a peculiar culture constant is particularly relevant. In literature, as in meta-formula of “obtained aesthetic truth”, there is a constant search for answers to the most important questions of our time: the society needs a renewed etiology, a balance of value coordinates, a critical attitude towards a Man and World in which it exists. In our opinion, an appeal to the archetypal substratum of culture makes it possible to do it in effective way.

***Keywords:** archetype, a literary archetype, metaphor, concept.*

В процессе анализа архетипа дом в произведении Н. Веревочкина «Зуб мамонта. Летопись мертвого города» мы применили нетрадиционную методику работы с негативным пространством текста. Термин «негативное пространство» относится к области визуальных искусств, в частности, к живописи и фотографии. Негативное пространство представляет собой свободную от акцентированного изображения область вокруг объекта композиции (в отношении литературного произведения – главного героя). Именно негативное пространство способно подчеркнуть формы, размеры, назначение центрального объекта произведения. В то же время оно несет в себе и собственную смысловую нагрузку.

Принято считать, что в центре произведения (как визуального, так и литературного) находится «позитивный в пространстве» объект – главный герой. Негативное пространство составляет в этом случае область его (объекта) окружения. Именно эта область определяет и подчеркивает основные смыслы художественного целого, формируя «канву изображения». Ее назначение состоит также в том, чтобы выступать «проводником» зрительского/читательского внимания от центрального объекта к периферийным зонам и обратно, обеспечивая темп самого читательского восприятия текста. По мнению художников, ключ к преодолению несовершенства центрального объекта композиции кроется именно в негативном пространстве – машинальная фокусировка на «главном предмете изображения» лишает композицию баланса и выразительности.

На наш взгляд, произведение Н. Веревочкина построено на принципе «негативного пространства». Главные герои присутствуют в произведении на фоне локусов, судеб, историй других людей, жизни и умирания города и деревни. В результате баланс между центральными объектами изображения и огромной (на смысловом уровне превалирующей) периферийной зоной негативного пространства достигается автором безошибочно. Он же предопределяет исследовательскую стратегию: в данной

главе анализу негативного пространства (в частности, пространства архетипа «дом») уделено больше внимания, чем осмыслению пространства позитивного.

Архетип при этом не реконструируется, а устанавливается методом исключения: анализ негативного пространства вокруг центрального объекта (главного героя) убеждает нас в отсутствии существования реального живого дома во внешнем мире, подводя нас к единственно возможному выводу: дом сосредоточен непосредственно в центральном объекте изображения (Руслане; Козлове).

Как показало наше исследование, метод анализа негативного пространства художественного целого способен предоставить студентам не менее содержательные данные, чем сосредоточенность на позитивном объекте. Мы предлагаем использовать данный инструмент не только в работе с постмодернистскими произведениями, но и в русле изучения классических литературных текстов. Далее представлены результаты исследования с опорой на предложенный нами метод.

На протяжении нескольких десятилетий в литературной жизни Казахстана происходит ощутимый метафизический «сдвиг»: художественные произведения периода Независимости все более тяготеют к экзистенциальному плану изображения, сосредоточенности на проблемах Духа, Души, единения со вселенским Разумом. Размываются условные границы жанров и направлений. Наблюдается интенсивная контаминация этнической и универсальной (глобальной) картин мира. Литературная карта Республики пополняется новыми именами. Смена художественных парадигм способствует расширению креативного поля казахстанских писателей. Художники слова, прежде ограниченные диктатом определенного литературного направления, сегодня обладают арсеналом средств, соответствующих самым разным задачам – от этнотелеологических до эстетических, от экзистенциальных до аксиологических. На наш взгляд, литература есть способ миропонимания, своего рода *modus videre* реальности, в которую погружен художник. Литературная «оптика» современных писателей все более усложняется – они стремятся не просто «увидеть» мир в совокупности запечатленных в тексте деталей, но «узреть» его истоки и возможные горизонты событий, если прибегнуть к формулировке М. Хайдеггера.

Как отмечают исследователи новой казахстанской литературы (Ш. Елеукиев, А. Арцишевский, О. Абишева, Л. Сафронова, В. Савельева, Б. Джолдасбекова, Н. Сарсекеева и др.), ей свойственны «родовое жанровое мышление» [1] и в то же время жанровая гибридизация [2], общая идейная диссипативность и кристаллизация стержневых культурных смыслов, этническая самобытность и архетипическая универсальность. Это система, движение которой осуществляют антиномические силы. Антиномическому художественному осмыслению подвергаются базовые категории человеческой жизни – добро и зло, дом и бездомье, время и безвременье [3, 4]. Так, архетип «дом», один из важнейших транслятивных концептов общечеловеческой культуры, претерпевает на себе воздействие различных процессов: сакрализации (например, в творчестве С. Елубая), экокритической интерпретации (романы А. Жаксылыкова), идентификации (произведения Г. Бельгера), дестабилизации и десакрализации (экспериментальные тексты Н. Веревошкина).

В современной казахстанской литературе происходит переосмысление взаимосвязи и взаимозависимости города и жителя города: в конце 1990-х – начале 2000-х годов возникает новая жанровая форма – урбанистический роман, в которой по-прежнему сохраняет значимость архетип «дом».

Архетип, как известно, представляет собой сгусток коллективного опыта, универсальный сценарий психических реакций индивида на внешний мир. Как мы отмечали в предыдущих главах, дом – один из базовых архетипов, вмещающий в себя инклюзивные представления коллектива о реальности («свой круг», «мы», «родина», «мир» и т.п.). Таким образом, в художественном тексте данный архетип реконструирует не только идею человеческого жилища, но и воссоздает модель всего сообщества, проживающего в определенном месте на земле. Мы уже упоминали о том, что дом – архетип, затрагивающий самые разные уровни человеческого Бытия. Это может быть вещественный уровень (жилище, географическое пространство), экзистенциальный уровень (Дом = Человек, его душа, внутренний Космос), онтологический уровень (Дом = Мир, Вселенная). В рассмотренных ранее произведениях И. Шухова и Г. Бельгера прослеживается идея об изоморфизме внешнего и внутреннего «домов» человеческой жизни. Вещественные элементы дома – строения, реалии быта, сама природа – соответствуют общей идее о своем месте в мире, которая заложена в характерах главных героев, будь то Федор Бушуев или Давид Эрлих. Совсем иначе воплощена мифологема дома в прозе казахстанских постмодернистов.

С точки зрения художественной дестабилизации архетипа «дом» показательны произведения Н. Веревошкина («Зуб мамонта. Летопись мертвого города», «Гнездо из полыни. Гнездо из окурков» и др.). В социологии представлен ряд дефиниций понятия «город», и одна из них – это замкнутое поселение, так как соседство со всех сторон отделяется стенами. Такое поселение

настолько велико, что в нем отсутствуют и характерные для соседей знакомство и близкое дружеское общение.

Замкнутый в себе мир. Да и жители их смахивают на вземные существа [5].

В идее города заложено как гармонизирующее, так и деструктивное начала. В эпоху Возрождения город представлял собой модель «совершенного мира». На уровне чертежа он должен был соответствовать одной из совершенных геометрических фигур, а на уровне идеи знаменовать социальное переустройство мира, о чем свидетельствуют «Миры» Антонио Франческо Дони, «Утопия» Томаса Мора, «Город Солнца» Томмазо Кампанеллы, образ Телемской обители Франсуа Рабле и образ «Новой Атлантиды» Фрэнсиса Бэкона.

Позднее город становится в литературе детерминантой человеческой жизни (на этой концепции основан натуралистический роман). О том, что города влекут человека «к бездне», начинают размышлять символисты («Города-спруты» Э. Верхарна, «Петербург» А. Белого). В русской литературе город как inferнальное пространство появляется еще раньше в произведениях А. Пушкина, Н. Гоголя, Ф. Достоевского, М. Горького. Художественная литература убедительно доказывает, что города антиномичны, так как мифологемы рая и ада сопряжены в самой структуре городского текста. Вспомним Нью-Йорк Фицджеральда, представляющий собой «лоно нового мира» и «долину шлака» одновременно. Город накладывает отпечаток собственной сущности на каждого, кто с ним соприкасается. Иными словами, от города зависит «самоопределение человека по отношению к истине и, значит, его бытийственный вектор» [6, с. 4]. «В истории мировой цивилизации город воспринимается как «вторая природа», создаваемая человеком, как мир, данный нам в ощущениях. Он возникает из взаимодействия между людьми в сжатом пространстве как поле человеческих взаимоотношений, поэтому он стал одним из «вечных» художественных образов в искусстве и литературе. Город обладает ментальной силой, способной формировать сознание людей и придавать определенный характер возникшей в нем культуре» [7].

Город в урбанистических произведениях Веревочкина совершенно меняет героев, исключая их возвращение в родной дом в провинции: они становятся другими людьми с другими взглядами на жизнь и изувеченными судьбами. Покинув дом, героям так и не удается спрятаться от давления и обрести счастье на чужбине. Желание вернуться в родной городок ассоциируется с библейским примером древних израильтян, которые хотели найти землю обетованную. После долгих поисков они так и остаются с нереализованной мечтой. Таков, на наш взгляд, один из лейтмотивов прозы Н.Веревочкина.

Образ города может быть исследован как часть архетипического комплекса «дом» (наряду с идейно оппозиционной ему «деревней»), однако в данном случае мы не рассматриваем собственно городской текст – парадигму разножанровых произведений о месте, совокупность которых создает образ этого места. Кроме того, города в «Летописи» Веревочкина – это аллюзии и в определенном смысле символы, а не конкретные географические топосы. Образ Алматы, данный в произведении в системе аллюзий, безусловно, является частью алматинского локального текста; однако в наши задачи входит осмысление города/городов как части архетипического пространства дома.

Приступая к интерпретации образа города как структурного элемента архетипического целого (дом) в произведении Н. Веревочкина, следует особо подчеркнуть, что художественная реальность автора – это реальность инверсированная, нелинейная, в некотором смысле дефекитарная. В его произведениях есть место карикатурной дистрибуции образов (техника «подмены смыслов»), как, например, в повести «Жертвенный осел» или романе «Белая дыра». Герои художественного мира автора транспозиционны, они находятся на пограничье пространств, на грани разума и безумия. Таковы городской леший, поэт, утративший собственный дар («Городской леший, или Ероха без подвоха»), или несостоявшийся самоубийца Прокл – он же Тритон Охломонович, получивший в дар всемогущество Господа («Белая дыра»). Зачастую они бездомны и потеряны («Человек без имени», «Зуб мамонта»); божественны и по-сартровски «тошнотворны» (вспомним героев «Белой дыры»: жителей Преддырья, гибридную крысособаку и других).

Отдельной авторской стратегией можно назвать секуляризацию (расчленение, разъединение) идейно значимых понятий в заглавиях произведений: «Человек без имени», «Страна без негодяев», «Железная дверь без ключа», «Городской леший, или Ероха без подвоха». Зачастую отсутствующий компонент понятия нагружен изначально негативными смыслами (например, негодяи, без которых страна обретает утопическую смысловую «окрашенность»), однако в конечном счете именно он – утраченный элемент – оказывается экзистенциально необходимым для всего художественного мира: иначе нарушается важный для авторского миропонимания закон неделимости добра и зла, высокого и низкого, трагедии и карикатуры. Город, как нам известно, это великое достижение цивилизации, а

деревня, или провинция, понимается зачастую как движение назад. Но у писателя иной взгляд на эту проблематику: «Если Бог существует, то он живет в провинции...», – говорит один из героев Н.Веревошкина. Тема города выступает доминантой тематического диапазона текстов Н. Веревошкина, служит истоком формирования городского текста, представляющего собой совокупность локальных текстов с особым кодом прочтения, мифопоэтической основой, типологией персонажей, поэтикой урбанизма и др. Интересно, что сам Веревошкин называет себя в первую очередь карикатуристом, в том числе в литературе.

Его изобразительная техника сосредоточена на игре масштабов, детализации и размывании контуров, гротескном смещении красок, в результате чего изображаемый мир утрачивает условную реалистичность и превращается в экзистенциальный шарж. Так, например, исполинский мамонт, от шагов которого сотрясается яблоневый город, вдруг уменьшается до размеров муравья, а вместе с ним уменьшается город, планета, галактика. Вселенная наделяется чертами замкнутого пространства, становится герметичной, отчего главный герой испытывает приступ клаустрофобии; в то же время ограниченная комнатка саманного дома атрибутирована несопоставимыми по масштабу изображения эпитетами: великая немота, кладбищенское одиночество.

«Летопись мертвого города» начинает камертон – заметим, не эпиграф. Камертоном принято называть инструмент для фиксации эталонной высоты звука; в литературном отношении это «эталонная высота читательского восприятия» текста. Весь смысл, по мнению автора, «заклучен не в книге, а в самом читателе» [5]. Сам автор, напротив, высокое звучание романа «снижает» до уровня карикатуры, которая парадоксальным образом продолжает «звучать» трагически. Мамонт, оживший хтонический символ гибели мира, внушающий главному герою первобытный ужас, «пахнет псиной». Небоскреб (повторяющийся символ из сновидений героя), цитаделью возвышающийся над окрестностями, построен из самана – вещества, создаваемого из примеси глины, навоза и соломы. Саманный небоскреб назван автором «башней» (на слоновой кости), что наталкивает нас на мысль о другой башне – Башне из слоновой кости. На наш взгляд, выстраиваемая гротескная параллель в художественном смысле не случайна. Башня из слоновой кости – интертекстуальная метафора, раскрывающая множественные смыслы в литературе. В «Песни песней» это символ красоты и непорочности, в произведениях европейского романтизма – символ ухода Поэта «в единоличье чувств». В эпоху Флобера за метафорой закрепилось прочное значение высоты духа, одинокого поиска истины, самоотверженной отдачи поэтическому призванию («Пусть Империя шагает вперед, а мы закроем дверь, поднимемся на самый верх нашей башни из слоновой кости, на самую последнюю ступеньку, поближе к небу. Там порой холодно, не правда ли? Но не беда! Зато звёзды светят ярче, и не слышишь дураков»; «Я всегда пытался жить в башне из слоновой кости; но окружающее её море дерьма поднимается всё выше, волны бьют об её стены с такой силой, что она вот-вот рухнет») [8].

В романе перед читателем возвышается башня, построенная на костях вымершего животного. Каждую ночь ее достраивают покойники; мотивы смерти, омертвения, кладбищенской затхлости переплетаются в художественный «узел» Башни, которая превращается в мертвое сердце вымирающего мира – не только городка Степноморска, но и самой Алма-Аты, целого Казахстана, всей планеты Земля.

«Придет время – и вся планета будет одним городом, где все продумано, просчитано. Рационально. Но в этом городе не будет живых людей, а только двуногие компьютеры, включенные в одну Всемирную сеть. Одинаково правильные и предсказуемые. Война уже началась. И неправильные живые люди с их ошибками, любовью и ненавистью, дикой природой уже обречены в неправильных городах и деревнях на вымирание» [5].

Таким образом, саманная башня пополняет галерею образов-перевертышей Н. Веревошкина. Это образы, ставящие под сомнение всю систему ценностей современного общества. Как пишет В. Савельева, тематический диапазон содержания романа «тесно увязан с такими проблемами современности, как отцы и дети; наркомания; обнищание и социальное расслоение общества; сомнение в разумности проповеди вечных нравственных и правовых норм; тоска по вечным ценностям и стабильности; проблема вынужденной миграции; кладбищенская тема; тема «дна» жизни и смерти и, конечно, всегда близкая Н. Веревошкину экологическая проблема» [9]. Но если в инверсированном, перевернутом мире Веревошкина «все наоборот», а архетип «дом» подвержен регулярной дестабилизации сакральных значений и смыслов, что будет значить в художественном универсуме писателя архетипическое бездомье? Ответ на этот вопрос нам предстоит найти.

Литература:

- 1 Елеукенов Ш. Новая литература нового Казахстана. Полемические заметки // <http://docplayer.ru/43162344-Sheriazdan-eleukenov-iiass-eeoadaooda-iiiaii-eacaonoaia-polemicheskie-zametki.html>.
- 2 Абишева О. Мертвый город из белых юрт // Простор. – Алма-ата, 2011. – №6. – С. 173 – 178.
- 3 Сафронова Л.В. Автор и герой в постмодернистской прозе: автореф. ... док. филол. наук: 10.01.08. – Алматы: Изд-во «ЛЕМ», 2007. – 40 с.
- 4 Сарсекеева Н. Формы выражения авторского сознания в русской литературе рубежа XX-XXI веков. – Алматы: Қазақ университеті, 2006. – 131 с.
- 5 Веровочкин Н. Зуб мамонта. Летопись мертвого города // <http://www.detectivebooks.net/book/30320343/#read>.
- 6 Топоров В.Н. Петербург и петербургский текст русской литературы // Семиотика города и городской среды. Петербург. Ученые записки Тартусского государственного университета. - Тарту, 1984. - Вып. 664. - С. 7 – 29.
- 7 Баянбаева Ж.А. Алма-Ата в прозе Ю. Домбровского // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность // <http://journals.rudn.ru/education-languages/issue/view/807>
- 8 Флобер Г. Письма 1830-1880 гг. // flaubert/letters.htm
- 9 Савельева В. Рассказы в современной прозе Казахстана: критика и актуализация жанра // Нева. - 2015. – №12.

МАЗМҰНЫ/ СОДЕРЖАНИЕ/ CONTENT

Журналистика

Есенбекова Ұ. М. ҰЛТТЫҚ МҮДДЕГЕ ҚЫЗМЕТ ЕТУДЕГІ САЯСИ КОММУНИКАЦИЯ ЖҮЙЕСІНІҢ МҮМКІНДІКТЕРІ МЕН ЕРЕКШЕЛІКТЕРІ ТУРАЛЫ	7
Есенбек Ж.Б. PR ҚЫЗМЕТІНДЕГІ «EVENT» ШАРАЛАР	10
Тасилова А.А. ӘЛЕМДІК КОММУНИКАЦИЯДАҒЫ ҚОҒАМДЫҚ ДИПЛОМАТИЯ	14
Есенбекова Ұ. М. ЭЛЕКТРОНДЫ ҮКІМЕТ ПЕН ҚАЗАҚ ЕЛІНДЕГІ САЯСИ КОММУНИКАЦИЯНЫҢ ҮЛГІЛЕРІ	17
Филология	
Садирова К. Қ. ЗАҢ ДИСКУРСЫНЫҢ ЗЕРТТЕЛУІ	21
Шанаяв Р.У., Джолдасбекова Б.У., Демченко А.С. АРХЕТИП «ДОМ» И СПЕЦИФИКА ИНВЕРСИРОВАННОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО МИРА Н. ВЕРЕВОЧКИНА	24
Қасқабасов С. А., Нұрманов Б. Т. ІЗГІ МЕМЛЕКЕТ ИДЕЯСЫНЫҢ «ҚҰТАДҒУ БІЛКТЕГІ» КӨРІНІСІ	29
Мәдібаева Қ.Қ., Қожекеева Б.Ш., Сейсенбиева Э.С. XIX ҒАСЫР ПОЭЗИЯСЫНДАҒЫ ДАРА АҚЫНДЫҚ: ОРТАҚ ҮЛГІЛЕР	39
Джолдасбекова Б.У., Кайырбек М.Н. ПЕЙЗАЖ И ЕГО ФУНКЦИИ В ПОВЕСТИ И.П. ШУХОВА «КОЛОКОЛ»	42
Madiyeva G.B., Alyakhmet A.G. STYLISTIC FEATURES OF FUNCTIONING PROPER NAMES IN THE NEWSPAPER TEXT	46
Нестерик Э.В., Исина Г. И. ЖИЗНЬ КАК МАТЕРИАЛЬНАЯ И ДУХОВНАЯ ЦЕННОСТЬ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПЕСЕННОМ ДИСКУРСЕ НАПРАВЛЕНИЯ КАНТРИ	50
Исаева Ж. И., Джасинбеков Е. Ә. ПАРЕМИОЛОГИЯЛЫҚ ДҮНИЕ СУРЕТІНДЕГІ «АДАМ» МАКРОЖҮЙЕСІНІҢ ГЕНДЕРЛІК СИПАТТАМАСЫ («эйел – еркек» бинарлық оппозициясы)	55
Томанова Н. М., Алдабергенқызы Л. ТЕКСТООБРАЗУЮЩАЯ РОЛЬ ПАУЗЫ В ТВОРЧЕСТВЕ В.И.ШАПОВАЛОВА	60
Нұржанова А.Б. ҚАЗАҚ ТІЛІН ШЕТ ТІЛІ РЕТІНДЕ ОҚЫТУ ӘДІСТЕМЕСІН ТІЛДІ ОҚЫТУДЫҢ ЕУРОПАЛЫҚ СТАНДАРТТАРЫНА СӘЙКЕС ЖЕТІЛДІРУ ЖОЛДАРЫ	64
Тұрымбетова Ж.А. КӨШПЕЛІ ИӨРҮК АҚЫНДАРЫНЫҢ ШЫҒАРМАШЫЛЫҒЫНДА ДӘСТҮР ҮНДЕСТІГІ	67
Исаева Ж. И., Джасинбеков Е.Ә. ЖАРНАМАЛЫҚ КОММУНИКАЦИЯНЫҢ МАҒЫНАЛЫҚ-ҚҰРЫЛЫМДЫҚ СИПАТЫ	73
Dzhalamova Zh. PHILOSOPHY OF «MOVEMENTS» IN ARTISTIC CHRONOTOPE (Based on the M. M. Prishvin's creations)	78

Duisebaeva G. A. SOME HISTORICAL FACTS ABOUT FAIRY TALES IN ENGLISH AND KAZAKH.....	80
Еркегалиева Г. А. СИНТАКСИСТІК СИНТАГМАНЫ ҚҰРЫЛЫМДЫҚ-ИННОВАЦИЯЛЫҚ МОДЕЛЬ АРҚЫЛЫ ОҚЫТУ	83
Байсалова Х.М. WAYS OF PRESENTING OF PRECEDENT TEXTS IN THE NEWSPAPER	87
Джаламова Ж.Б. ФИЛОСОФСКО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТВОРЧЕСТВА М.М. ПРИШВИНА	90
Kasymbekova A. SOME FEATURES OF ENGLISH, KAZAKH AND RUSSIAN FOLKTALE EPITHETS	94
Әубәкір Н. А. ҒЫЛЫМИ-КӨПШІЛІК ДИСКУРСТЫ АҒЫЛШЫН ТІЛІНЕН ҚАЗАҚ ТІЛІНЕ АУДАРУ ЕРЕКШЕЛІКТЕРІ (National Geographic материалдары негізінде).....	97
Abilkhasimova B. B., Zhussanbaeva A.T. SEMANTIC ADAPTATION AND EVOLUTION OF KAZAKHISMS, REVEALED FROM THE RUSSIAN-LANGUAGE NEWSPAPERS OF KAZAKHSTAN IN THE II HALF OF THE XIXTH AND AT THE END OF THE XX-TH CENTURIES	104
Kasymbekova A. SOME PECULIARITIES OF ALLITERATION IN ENGLISH LITERATURE	111
Жүзбаева А. С., Шортанбаев Ш. А., Рамазанов Т. Б. ӨЗГЕ ТІЛДІ АУДИТОРИЯҒА ҚАЗАҚ ТІЛІН МЕҢГЕРТУДЕ МӘТІНДЕРДІҢ АЛАТЫН ОРНЫ	115
Agaidarova K. H., Ongalbek G. A. THE ROLE OF CONVERSATIONS IN TEACHING ENGLISH LANGUAGE	118
Сулейменова Г.Ж., Амиржаева А.Т. ЛИНГВОЕЛТАНЫМДЫҚ БАҒЫТТАҒЫ ТҰРМЫСТЫҚ АТАУЛАРДЫҢ СИПАТЫ.....	121
Бекмуратова А.Е. ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОБРАЗЫ-СИМВОЛЫ В ОНЕЙРИЧЕСКИХ ЭПИЗОДАХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Ч.Т. АЙТМАТОВА	124
Дәрменқұлова Р.Н., Даркенбаева К. К., Абдыкадырова А.Р ҚАЗАҚ ТІЛІНДЕГІ МЕДИЦИНА ТЕРМИНДЕРІНІҢ ЛЕКСИКАЛЫҚ ҚҰРАМЫ	129
Дәулетбекова Ж.С., Дәрменқұлова Р.Н., Қожахметова Ф.Б. ТҰРМАҒАМБЕТ ІЗТІЛЕУОВ ТІЛІНДЕГІ КӨНЕ СӨЗДЕРДІҢ, АУЫЗЕКІ ТІЛ ЭЛЕМЕНТТЕРІНІҢ ПРАГМАТИКАЛЫҚ МӘНІ	134
Асқарова А.Ш., Досанова Н. Ж., Се Вэйнин ҚАЗАҚ-ҚЫТАЙ ТЕКСТОЛОГИЯСЫ: ТАРИХЫ МЕН ДАМУ ЭВОЛЮЦИЯСЫ.....	139
Калжанова Ә.Ш. КӨНЕ ҰЙҒЫР ЖАЗБА ЕСКЕРТКІШТЕРІНІҢ ТАБЫЛУ ЖӘНЕ ЗЕРТТЕЛУ ТАРИХЫ.....	144
Қожабекова Ж.Қ., Молдашева Л. Ж., Сәбитбекова М. М., Ербатыр Б. Ө., Утарғалиева Ш. Ш. БОЛАШАҚ МЕДИЦИНА МАМАНДАРЫНА ҚАЗАҚ ТІЛІН ҮЙРЕТУДЕ РӨЛДІК ОЙЫН ӘДІСІН ЕНДІРУДІҢ ТИІМДІЛІГІ	150
Қыдырбаева У.Т., Балтабаева Н.С. ӨБІЛҚАЙЫРДЫҢ ХАТТАРЫНДАҒЫ ОРФОГРАФИЯЛЫҚ ЖӘНЕ ФОНЕТИКАЛЫҚ ЕРЕКШЕЛІКТЕР	153